

Галина Ицкович

Через Европу навприсядки

Слабая попытка травелога

1.

Что за странное, страшное лето! Солнце разуверилось в нормальности обитателей Земли и больше не шутит. Без заигрываний. Горят леса. Плавится асфальт. Трава сгорает, не успев вырасти. Что у нас, что в Европе. В Европе тем паче. Глобальное потепление, глобальное самовозгорание, глобальное крушение знакомого мира. На этом фоне горя, лжи, химер, развенчанных иллюзий, потерянных друзей доведется приехать в незнакомый город, и попробуй-ка полюби его.

Варшава бедному еврею не в жилу, против шерсти, нашему забору двоюродный плетень; как говорили в Одессе, «через дорогу навприсядки». Здесь громче всего звучит голос еврейской крови, не сворачивающейся, вечновытекающей. Помните чудотворную ампулу из Брюгге, точнее, из фильма о муках совести и возмездии? Залечь на дно в Брюгге, чтобы ощутить, как болезненно раскаяние.

Но в Варшаве фасона 2022 года не очень-то заляжешь: мы здесь по делу. Обычное военное дело, доставить баулы, чемоданы, коробки, вещмешки и дальше поскакать. Быстренько поработаем, а в освободившееся время быстренько отдохнем. Без конца считая места багажа, загибаем пальцы, как в потешке про ворону: военным привезла, медикам привезла, детишкам привезла, беженцам привез... погодите, где седьмой баул?! Уф, слава Богу, вот он, привалился за колонной.

Спросите, что за колонна такая? А это мы сняли номер в отстроенном, воссозданном от основания и нашпигованном совре-

менными удобствами дворце буквально за углом от крепости и королевской резиденции (тоже отстроенной, восстановленной из руин). В кое-как восстановленном после войны дворце до 1975-го находилась резиденция примаса, а уж в 2016-м пришли новые хозяева и превратили в эксклюзивный отель. Туда-то мы и завалились со всеми семью местами багажа тактической расцветки. Почему туда? Потому что в самом центре, и есть надежда оглядеться в промежутках между транспортировкой багажа

и встречей с разными людьми; потому что я совсем не против буржуазности и потому что цена была очень неплохой. Во дворце всего двадцать номеров и вдвое больше комнат, поскольку номера ничем на напоминают парижские или венецианские крохотные комнатки, где душ можно принимать, практически не вставая с кровати, а открыв дверь в коридор, можно полностью заблокировать все остальные двери. Восточная Европа – это совсем другой зверь, уверяю вас.

Побежав наскоро поужинать на Старую рыночную площадь и усевшись за столик в одном из ресторанчиков Строны Закржевского, то есть вдоль южной стены, мы проводим следующих полтора часа в ожидании, сначала расслабленно-эйфорическом, потом слегка раздраженном, а потом просто в напряженных перезвонах с Варей, нашей посыльной для передачи сенсорных приспособлений для украинских детей-аутистов. Наблюдая наши переговоры с пробегающим мимо и очень занятым более важными делами официантом, из-за соседнего столика машет белокурой (скандинав?) верзила:

– Не огорчайтесь, я тоже ждал около двух часов. Мы на другой планете.

Сосед действительно оказывается норвежцем. Мы рассказываем ему о своих сорванных планах, он сообщает, что если бы не сервис, польские каникулы были бы чудесными, и, получив сеанс придорожной психотерапии и заверения Вари в том, что ехать ей до нас десять минут, и она тогда пока уложит детей, мы дожидаемся-таки нежнейшего кролика в сметане, а потом рысцой бежим обратно. Восточная Европа... другой зверь...

Но даже на бегу успеваем заметить не только гуляющие толпы, но и приметы военного времени: молодых людей с украинским флагом, собирающих деньги на те или иные нужды, указатели, обозначающие центры для беженцев, желто-голубой фон плакатов. Веселый варшавский воздух, слегка хмельной от гнева. В очередях к окошкам с недорогими лакомствами переговариваются на встревоженной мове, дети считают вслух мелочь, бережно сыпая ее в ладошки. Мы среди своих.

2.

Утро начинается очень рано, джетлаг же. Но за окном фасада, выходящего на Сенаторску (ударение на третьем слоге) улице, можно наблюдать первых прохожих, торопящихся на работу. Это, конечно, не барселонские пожилые дамы в чулочках и в лубую жару закрытых платьях с накрахмаленными воротничками, но и не расслабленное поколение эпохи «дресс-дауна»: никаких тебе джинсов или голых животов, туалеты по американским понятиям весьма консервативны. К восьми отдельные прохожие-капельки превращаются в ручеек пешеходов, появляются более солидные мужчины в костюмах и женщины на каблучках. И становится ясно, что город этот принадлежит не туристам, а местным жителям.

Через полчаса мы тоже вливаемся в ручеек и перебегаем улицу Медовую, отделяющую нас от Старого Места. Нет, позавтракаем позже, сейчас важно отдать рюкзак с тактическими медикаментами. Вам позвонит Анатолий. Через час, когда мы уже отошли к музею Варшавского восстания (закрытому, а вернуться к открытию не успеем), замечаю новые сообщения в «телеграмме».

– Анатолий?

– Я Вадим, но это неважно. Слава Украине!

Героям слава. Встретимся с ним через полтора часа. Значит, есть время на музей! И, кстати, не чувствуется пока жара. Мы скачем мимо памятника героям восстания, которых вгоняют под землю гитлеровцы, сворачиваем влево, мимо старого парка за благородной решеткой, вперед и направо. Здесь когда-то было еврейское гетто, но если бы не Muzeum Historii Żydów Polskich «POLIN», музей исчезнувшей нации со входом, напоминающим разверстую рану, если бы не памятник погибшим на пустынной площади, никто никогда не догадался бы об этом, ведь гетто было уничтожено полностью.

А камушки забыли принести, как же так. Я отхожу под деревья, оглядываюсь в поисках камня, чтобы положить на мрамор памятника, чтобы все знали, что не забыты ни мученики, ни герои. Все усеяно желудями, и даже шляпки грибов мелькают. Ну да, это же грибная столица мира, и сезон в разгаре... но наконец показывается прикопанный камушек, за ним другой. Мы кладем

оба на плиты. Простите, что только половину молитвы, я ведь не знаю, какую именно надо прочесть. Что поможет.

Проходим в разрез.

По легенде, путники, спасавшиеся от крестоносцев, дошли до прохладного туманного леса. Спросив у встречного: «Где мы?» – они услышали в ответ: «Полин». На иврите «по-лин» означает «отдохни здесь». Так они и сделали. Музей начинается с голографического леса.

Отвлекаясь: лес я впервые увидела под Киевом, в Ирпене. Мне казалось, что взрослые эту курортную местность называют неправильно и пишут тоже с ошибкой, «Ирпень», читать-то я умела, а правильно «Ерпень», ерепнящийся пень, хотя я не очень представляла себе оное явление. И пней там не было, а были как раз такие полупрозрачные деревья, земля влажная под ними. Мама привезла меня контрабандой в санаторий, и надо было прятать меня до того дня, пока не купим курсовку. Курсовка позволяла мне жить в комнате с мамой и какими-то посторонними женщинами, а питаться надо было отдельно, и мама тайком делила свои обеды пополам, а вдобавок покупала твердые пахучие груши, взрывающиеся соком, как укусишь, яблоки и творог у местных тетей в «хусточках». Мы каждый день ходили в лес, осторожно ступая на покрытую ветками и иголками неровную, пружинящую под ногами, непохожую на одесскую почву.

Мама нелегко сходилась с людьми, а тут познакомилась с парой постарше, Сеня и Нина. Сеня, украинец, выбрасывал далеко вперед ногу на протезе, но шагал со скоростью самоходки, громко шутил. Его жена, армянка Нина, обладательница поразивших мое воображение усов, шла рядом с нами, шепотом жаловалась на то, каким он стал в последние двадцать лет их совместной жизни. Я тогда еще не понимала, что стоит отсчитать двадцать лет назад – и упруешься в войну.

Мама приходила с экскурсий по Киеву и возбужденно жаловалась мне:

– Бессовестные какие мужчины! Заигрывает со мной прямо при жене.

Ей импонировало внимание, и в семейных воспоминаниях Ирпень остался волшебным местом. «По-лин», короче говоря.

Дорога, которую мы потеряли, проходит по лесу потерь, через погромы и геноцид. Через какие-то тысячу лет мы выходим из обугленного гетто, невзирая на душераздирающую экспозицию, а там – уютные гостиные, и таращатся телевизоры времен Гомулки. И конец польского еврейства. И конец сказки и чуда. И уже ждет нас посыльный. Надо бежать, но это и к лучшему. Этот музей за один раз не обойти, и не потому, что много экспонатов, а потому что мы сами обожжены.

Итак, дети, повторим быстренько: почему я, еврейка, объединилась с немцами и поляками в борьбе за незалежну?

В первую очередь потому, что геноцид не должен повториться. За это умерли мои предки, в это свято верю я сама.

Когда Фердинанд в качестве свадебного подарка пообещал Изабелле изгнать всех евреев, когда редакторская колонка в «Фолькишер Беобахтер» заполнилась любовно отредактированными рассказами о «бесчинствах» евреев – именно тогда стало предельно ясно, что геноцид несовместим с цивилизацией.

3.

Джетлаг работает так: в первую ночь спишь просто от усталости и просыпаешься засветло; вторую же ночь просыпаешься глубокой ночью и гуляешь по комнате до утра. Проснулась в 1:04 и до без четверти пять висела в состоянии полудремы. Прощумел короткий дождик, просвистела неведомо откуда взявшаяся среди города птица. Так пели птицы в девятом веке, когда первые евреи ступили в здешние леса.

А потом просигналила мусорная машина, и чары ночи рассеялись.

4.

Варшава похожа на душку-военного со шрамом через все лицо. Как ни вальсируй, а война здесь, прямо на щеке напоминанием. В какой-то мере шрамы не затягиваются: все пытаются объяснить или объясниться. Вот на пути из музея Шопена попадается экспозиция «Назовем их по имени». Это истории тех, кто прятал евреев в годы войны, но так и не попал на знаменитую Аллею Праведников

народов мира в Яд Вашем. А почему не попал? Потому что свидетелей не осталось. И его/ее/семью расстреляли, и тех, кого они прятали. В отличие от войны в острой фазе, в войне, находящейся в ремиссии, трудно разобрать персонажей на хороших и плохих, события на черное и белое. Вот продавала женщина, невзирая на запрет, хлеб в гетто. А что делать, надо было детей кормить, а у евреев еще оставались деньги. Двоих немцы остановили на улице и стали допрашивать с пристрастием, откуда свежий хлеб. Не выдержал один из них

побоев и указал дом. Немцы расстреляли всех, остались малые дети. Праведница ли их мать? Кто рассудит? Все-таки она рисковала и даже, говорят, иногда давала хлеб в долг... А что насчет выдавших ее людей? Должны ли были они хранить молчание и принять смерть за продавщицу хлеба? По негласному контракту – да. Но и предателями их сложно назвать. Темное это дело.

5.

У нас, судя по ленте новостей, продолжается засуха. Леса горят на Западе, но и на Северо-Востоке не многим лучше. В выходные перед отъездом проверили ближайший к даче лесок в Кэтскиллах, а там лесной пол покрыт толстым слоем сгоревшей, посеревшей от жара листвы, ручейки и речушки высохли. Пожалуй, грибов не дождемся. А вот Варшава слегка ошалела от жары, но даже сейчас видно, какая она зеленая, каждый парк со своим характером. И все в порядке с урожаем, не зря даже в городском парке под деревьями обнаруживаются вполне симпатичные грибеныши. Судя по ресторанному меню, мы находимся в эпицентре грибного рога

изобилия: тут тебе и жареные лисички, и маринованные маслята, и, самое главное, боровики в сметане! Грибы свежайшие, сразу чувствуется близость леса, разгар лета. Официанты по-домашнему деловиты и приветливы, и даже прохожие, снующие вокруг стоящих прямо посередине улицы столиков, в хорошем настроении. Вокруг раздается «дзинь-дзинь». Дзенькую, звеню серьгами.

После перелопаченных тюков с гуманитаркой спины наши поскрипывают. Будь проклят тот человек, который вовлек меня в гуманитарные грузы. Я о путине, естественно. Теперь-то я поняла, что такое боль в спине и каково с ней жить: не разыгрывать штангиста, не наклоняться, а приседать, прикупить мазь и задуматься о радикулитном поясе... Хорошо, что сауна в Bellotto отличная. А я еще и массажистку вызываю. После осторожных «откуда» и «куда», она начинает жаловаться на беженцев. Их много. Они не бедные. Их уже не жалко. Пытаюсь объяснить, но что тут объяснишь... Война произошла с огромным множеством разных людей: хороших, плохих, богатых, бедных. Изменила их. Тяжело любить травмированных и испуганных. Потерпите, вот победим – и...

6.

После встречи с человеком, забравшим баулы с «медициной» (этот курьер выудил нас из одного из залов восстановленного из абсолютно невосстанавливаемых, судя по послевоенным фото, руин Королевского замка), мы перекусываем бельгийскими вафлями, попутно обменявшись приветствием с продающей их вчерашней знакомой-беженкой, и сворачиваем вправо, мимо садов, спускаемся к реке.

Эй ты, Висла голубая!
Лес вокруг, лес вокруг.
У меня свирель пастушья
На боку, на боку.
Разольются переливы
По реке, по реке.
Поведут волы ушами
Вдалеке, вдалеке.

Общее фортепиано, второй класс музыкальной школы, не проваливай кисть. Не много же я смогла припомнить.

Разворачиваемся в обратную сторону, по улице Подвала, вдоль границ Старого города, вдоль кое-где сохранившейся городской стены, мимо трогательного «маленького повстанца». Где-то на перекрестке Рыцарской и Пекарской возникает стихийный рынок поделок и картин.

– Купите жидовского доктора, – потрепанный человек, продающий раскрашенные статуэтки из дерева, протягивает мне маленькую деревянную фигурку человека в очках.

– Это Януш Корчак?

– Так, Корчак, доктор жидовский.

Он польский праведник, учитель и мудрец, но неважно. Я, конечно же, покупаю, путаясь в золотых и грошах, выуживая необходимые монеты из горсти.

На другой день мы улетаем в Болгарию, где с мая в моей квартире находятся беженцы, и вот теперь одна мама с дочкой съедет, а другая заселится. А в перерыве мы сами тоже успеем пожить, в море искупаться, отдохнуть на бегу, в общем.

7.

Как я люблю болгарское побережье! Последние десять лет мы ездим в Несебр раз в два года, за исключением ковидных, конечно. Похожий на безделушку Старый город прикреплен ко всему остальному мостом-цепочкой, у ворот Старого города раскорячилась добряга мельница, вечный волынщик играет по вечерам. Мы любим вкусное, в меру подсоленное ласковое море, хмурых, добрых внутри, хе-хе, болгар, бесконечные фестивали чего-то забавного, вроде фестиваля меда или детских коллективов Восточной Европы. В Болгарии нам всегда рады. Это будет приятным перерывом, регрессией, попыткой абстрагироваться от ужасов года.

Уехать из аэропорта оказывается довольно сложно, потому что поджидающие (жертву) шофера заламывают какие-то несусветные цены. Наконец-то мы сговорились с синещекиим угрюмым парнем. Сошлись на сумме хоть и неслыханной, но значительно ниже того, что запрашивали другие, взывая к болгарскому

традиционному гостеприимству. По дороге заговорили о былых временах, о тяжелом ковидном годе, об инфляции. Чувствую, что-то мне жжет правое плечо. Потянула, очевидно.

– А все война... – назидательным тоном говорит наш возница. Мы соглашаемся. – Если бы не это нападение...

Поддакиваем:

– Абсолютно вероломное.

– ...и на нашей экономике вон как отразилось. Эх, что за люди!

Плохие люди.

Мы и с этим согласны.

– А ведь сколько для них Россия сделала! Неблагодарные они.

– Кто «они»?

– Ну эти... нацики. Напали и не собираются.

Начинает жечь не только плечо, но и висок. Как будто дуло приставили. Что делать? Я никогда еще не видела врага так близко. Сидеть с ним в одном такси – это не первый канал просматривать для ознакомления с психологией рашиста.

– Вообще-то, все совсем не так... – начинаю я. Муж толкает меня в бок, я поворачиваюсь в ярости и вижу, что между нами на спинке сидения любовно расстелен российский флаг.

– Остановите машину!

Второй тычок. Еще бы! Мы едем вдоль бесконечных полей. До Нового Несебра минимум двадцать минут езды. Такси на дороге мы остановим нескоро.

Муж повторяет погромче:

– Жену укачало. Можно остановить?

Мы выскакиваем на обочину и быстрым шепотом разругиваемся насмерть.

Водитель растерянно высовывается:

– Что-то не так? Поедем, может?

Ненавидя и презирая себя, я сажусь в машину.

Кажется, водила что-то понял, потому что остальной путь проделывается в ледяном молчании.

Мы расплачиваемся без чаевых, водила вслед:

– Эй, американцы! Я что говорю, нет никакой Украины. Никогда не было. Вот братушки разберутся с предателями – и пойдет жизнь. Ваше НАТО нам не надо.

Промолчали, стали ниже ростом.

Нас уже ждут наши жилички-беженки. Описываем поездку, при этом меня просто-таки корчит от стыда.

– Ой, не расстраивайтесь. Мы уже привыкли.

И следует несколько историй о том, как болгары отыгрывают раздражение по поводу исчезновения «братушек» и их кошельков на живущих с марта в прибрежных отелях беженцах.

Вечером мы принимаем решение разговаривать с болгарями или по-английски, или

по-украински. Ничего, пусть учат языки, пора уже. На том и приirmяемся.

И все равно жаль, что не попыталась врезать шоферу. Хотя тогда, наверное, вместо отгрузки гуманитарки я отправилась бы в несебрскую больницу. Но как эта поездка в такси определяет меня?

В конце концов я сладко засыпаю под фантазии о пощечине. И только под утро сквозь сон вспоминается: 1980-й, Крымско-Кавказская, автобус и маленькая фотография Сталина на водительской части переднего стекла. И еще: очередная жемчужина Кавказа, санаторно-курортный городишко Цхалтубо и памятник Сталину, около которого просто-таки необходимо сфотографироваться. От переплавки после Двадцатого съезда памятник героически спасли местные жители. Они его прятали до недавнего времени, а теперь, когда стало опять можно славить вождя, торжественно вернули на прежний пьедестал. И хотя я уже читала «Архипелаг ГУЛАГ», я зачем-то становлюсь рядом с прочими экскурсантами: местные жители, наверное, знают какую-то другую правду? Страшно выйти из ряда и легко найти обоснования для того, чтобы не выходить.

8.

Маникюрша находится в отеле, вот адрес.

Внутренний дворик отеля с бассейном посередине шумен, как одесский двор воскресным утром. Дети и женщины роятся в воде и вдоль бортиков, стоящие на лестничных площадках глядят вниз, облокотившись на перила, и переговариваются с купающимися. Так вот как выглядит пресловутый отель для беженцев! Отели больше не бесплатные, но все же какая-то дотация осталась. Часть людей поехала вглубь Европы и далее, некоторые вернулись в западную часть Украины, но еще какая-то часть решила задержаться в Несебре до холодов.

Я карабкаюсь по наружной лестнице на четвертый. Никто не задает мне вопросов, здесь явно привыкли к посетителям.

Маникюрша Натали, крашеная блондинка с кожей лица, по степени возделанности не уступающей совершенной английской лужайке, немного похожа на Наташу, косметичку из малюсенького салона рядом с «Детским миром», к которой много лет ходила мама, а с первыми всходами юношеских прыщей стала ходить и я. Доброй памяти Наташу переполняло то особое достоинство, тот профессиональный апломб, который так свойственен одесским жрицам красоты.

У Натали тоже наблюдаются следы данного апломба, вот только он покрыт патиной, приглушенный какой-то вариант. Атмосфера салона воссоздана с помощью яркой настольной лампы на малюсеньком столике, уставленном флакончиками и коробочками, как бы отделявшей жилую часть номера от кабинета маникюриши.

– Что будем делать? Простой маникюр? – с прохладным недоумением повторяет она мой ответ. О, каким презрением окатили бы меня в Одессе за примитивные сии потребности! Но здесь выбирать не приходится, а потому она принимается за дело.

Она, конечно же, оказывается одесситкой. Я, конечно же, рассказываю вкратце о себе. Уже стало привычно вот так «обнюхиваться» и с новыми, и со старыми, с начала войны не виденными знакомыми. Что-то вроде сочинения «Как я провел лето». Экзамен мною сдан, Натали расслабляется, начинает улыбаться,

потом мрачнеет, рассказывает об ужасе первых дней войны, о решении уехать, о нынешней тревоге, о том, что дочка стала слишком независимой. Девочка нашла работу здесь же в отеле и больше не просит на карманные расходы, зато высказывает свое мнение обо всем. Мы обсуждаем ситуацию, делимся предположениями о том, что будет с Одессой. Обсуждаем недоброжелательность болгар, сложности с трудоустройством. Надо уезжать отсюда до начала учебного года, но куда теперь?

Пока она работает над левой рукой, я извлекаю правую из ванночки и начинаю рассылать тексты в «телеграме» и «фейсбуке», расшвыривать накопившиеся вопросы.

– Волонтерите, да? – с уважением спрашивает она.

Да, можно и так описать то, чем я заполнила свой отпуск. Мне лично больше нравится слово «спасатель».

Появляется ногастый подросток, та самая независимая дочка, только что закончившая мыть посуду в кухне отеля:

– Мам, все наши здесь уже. Я пойду?

Похоже, ее личная жизнь бурлит. Не выпуская мои пальцы, Натали вздыхает:

– Только до темноты вернуться, поняла?

Дочка вместо ответа выпячивает губы:

– Цьом, мамуль, дай цьом.

И вылетает за дверь. Такой одесский ребенок, аж спазм в горле.

Натали улыбается и вдруг, без перехода, всхлипывает:

– Хочу домой. Я так хочу домой...

И мы с ней вместе плачем над навсегда уже прерванным детством ее девочки, над заминированными одесскими пляжами, над бездарным летом на чужбине.

Натали покрывает мои ногти бесцветным лаком с какими-то детскими блестками:

– Если вам еще что-то надо перетаскивать, лучше вот так, нейтральненько.

– Сколько я вам должна?

– Нисколько, – отвечает она с видимым удовольствием. – За вас заплачено.

Ах, так это новая моя подруга решила сделать мне приятное!

Натали продолжает:

– Но если б она за вас не заплатила, я бы все равно денег не взяла. Спасибо за все, что вы делаете.

И мы обнимаемся, перед тем как заплакать во второй раз.

9.

В последний перед возвращением домой день, прилетев из Болгарии, забрали подготовленные варшавским магазином ящики для еще одной продуктовой посылки в Украину и отвезли их на склад. Зато оттуда, освободившись, пошли пешком. Неторопливо и весело. Поворачиваем за угол, а там стоит безошибочно узнаваемый, долговязейший из долговязых Де Голль. Значит, мы вышли на знаменитый Новый Свет. Середина дня и несусветная жара, но все равно сидят люди в кафешках под зонтиками, гуляют молодые бэкпакеры. Варшава хороша собой, ничего не скажешь: светлая, просторная, добротная, но при этом безусловно изящная, уж отменной столичности камни-то точно на общеевропейском уровне. Только мне все мешает мысль о том, как любили ее, должно быть, те исчезнувшие люди, польские евреи, умницы, остряки, интеллектуалы, обменивавшиеся идеями и шлифующие теории, планирующие лучшее устройство мира и финансирующие безумные проекты из-за этих самых столиков, на этих самых перекрестках. *Mixed feelings*, что и говорить...

Нет, чего-то не хватает. Что-то я недосказываю. И я не имею в виду обязательную шопениану в очередных мастерски восстановленных интерьерах (хотя послевоенная реставрация Варшавы внушает надежду на то, что восстановить можно будет все, кроме человеческих жизней, разумеется). Например, детали незримого присутствия российско-польского трагического дискурса – часть королевских садов, превращенная в поле для маневров русской армии, испоганенные русскими солдатами апартаменты в западном и северном крыле замка, украденные гобелены и картины – знакомо? Горечь русского присутствия незабываема. Но и это не все из главного.

Главный итог поездки – это мы, волонтеры всех стран, «мы», не позволяющие дальнейшую экспансию. Есть такое понятие «grassroots». Можно эти «корни травы» перевести как

«общественная инициатива». Народная война. Наше решение, наше же воплощение. Наш шанс изменить ход вещей, не поддаться вращению чужого равнодушного колеса, не оказаться или бессильной спицей, или раздавленным комом грязи. Теперь и мы – девушка, отправляющая ежедневные автобусы через границу и принявшая ящики с продуктами, девушка, утащившая на багажнике велосипеда наши безразмерные рюкзаки, набитые терапевтической всячиной для украинских аутистов, густо татуированный Вадим, флегматичный Андрей, торопливый Виталий, Наташа, Настя, Варя – меняем ход истории. Будничные голоса, торопливая забота, веселое случайное братство волонтерства. Пожалуй, травелогу не хватает именно человеческих, а то и сенсорных ощущений этой поездки: деловитой общности, чувства не просто локтя, а дружеского пожатия, маникюра. Мальчики и девочки, пальчики в плотине. Польша – плотина. Польша удерживает, сдерживает голод, страх, смерть. А еще – предательство, унижение, бессмысленное повиновение, кафкианских размеров механизм повального морального разложения. Империя может стать богаче и объяснить подданным все про лес и щепки, но уж очень много щепок у аморального государства. Вот, теперь вроде рассказала. Я Шахерезада этой войны, я же и Шахрияр по роду службы. И, вполне возможно, поэтому я неистребима. Буду жить если не вечно, то достаточно долго, для того чтобы выслушать сиквел и поделиться услышанным.

